Фото: (с) Евгений Фельдман, Новая Газета

17.07.2014, 11:15 Москва СТАТЬИ

Домашние злоключения

КТО В ДОМИКЕ ЖИВЕТ

Российских оппозиционеров все чаще заставляют сидеть дома. Первым под домашний арест попал Сергей Удальцов еще в феврале 2013 года - с тех пор и про него, и про его движение “Левый фронт” практически ничего не слышно. Спустя год, в феврале 2014 года, квартира Алексея Навального превратилась в его персональную тюрьму. Апробированный на лидерах метод стал у органов популярным: месяц назад под домашний арест поместили Константина Янкаускаса, депутата московского муниципального округа Зюзино. Ранее эта же мера пресечения была избрана для двух обвиняемых по «Болотному делу» — Александры Наумовой и Николая Кавказского.

Но под домашним арестом сидят совсем не только политические активисты. По данным Судебного департамента Верховного суда, в 2013 году российские

суды рассмотрели 3455 ходатайств о назначении домашнего ареста, из них 3086 (89%) были удовлетворены. С еще большей легкостью суды продлевают такой тип ареста: из 5194 соответствующих ходатайств было удовлетворено 4869 (94%).

Официальные данные показывают, что за последние годы такая мера пресечения применяется все чаще: в 2009 году суды отправили под домашний арест всего 146 человек, но с тех пор начался значительный рост.

Melden Sie sich bei Ihrem Google-Konto an

Sie müssen sich anmelden, um auf diese Inhalte zugreifen zu können

Anmelden

В стране, пережившей массовые репрессии, где до сих пор в тюрьмах сидит более 600 тысяч человек, домашний арест воспринимается как мягкая мера. Для политических же активистов, которые в своих квартирах оказываются отрезанными от какой-либо общественной жизни, это наказание щадящим не назовешь. Тем не менее, рост доли домашних арестов скорее должен говорить о гуманизации российской судебно-полицейской системы. Чтобы разобраться в том, как на самом деле проходит домашний арест и как он устроен с точки зрения законодательства, ОВД-Инфо поговорило с адвокатами и родственниками сидящих дома.

ДОМА ПО ЗАКОНУ

Помещение под домашний арест регулируется статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса. В ней прежде всего оговаривается, что эта мера пресечения избирается «при невозможности применения иной, более мягкой». Для обычных людей - это подписка о невыезде (самая мягкая мера), чье-либо поручительство или внесение денежного залога.

Основанием для применения какой-либо меры пресечения должна быть информация, свидетельствующая о том, что человек может скрыться или воспрепятствовать установлению истины - иногда это еще называют «влиять на работу следствия» или «оказывать давление на свидетелей».

«Чем больше оснований считать, что человек будет вести себя недобросовестно во время следствия и суда, в сочетании с тяжестью обвинения, тем более оснований для избрания более строгой меры пресечения», - объясняет адвокат Вадим Клювгант.

При наложении домашнего ареста суд должен «проверить наличие всех тех фактических оснований, на которые ссылается следователь, запрашивая для конкретного обвиняемого или подозреваемого такую меру пресечения», говорит Клювгант. Суд также должен установить обоснованность обвинения и убедиться, что обеспечить добросовестное поведение обвиняемого при более мягкой мере пресечения невозможно. Таким образом, суд может удовлетворить ходатайство следователя только в том случае, если доводы следствия подтверждены реальными фактами.

Melden Sie sich bei Ihrem Google-Konto an

Sie müssen sich anmelden, um auf diese Inhalte zugreifen zu können

Anmelden

Суды и органы к чиновничьим разговорам о гуманизации и разгрузке перезаполненных СИЗО не прислушиваются: среди всех удовлетворенных судом решений о мере пресечения более 90% по-прежнему приходится на арест (это число снизилось за пять лет с 96 до 92%).

Наконец, домашний арест может еще использоваться как замена заключению под стражу — в том случае, если потенциальный обитатель СИЗО болен одним из тяжелых заболеваний, перечисленных в постановлении правительства «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

Таковы законодательные и нормативные рамки применения домашнего ареста.

«На практике все совсем необязательно так, как должно быть. И к сожалению, часто - совсем не так», - рассказывает Клювгант.

В реальной жизни суды регулярно избирают обвиняемым строгую меру пресечения, просто выслушав соображения следователей и сразу признав их обоснованными. А домашний арест, на чем настаивает Клювгант - строгая

мера: «это вторая по жесткости мера пресечения после тюремного ареста».

ЧТО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ ДОМА

В статье 107 УПК перечисляются запреты и ограничения, которые могут быть наложены на человека, находящегося под домашним арестом. Это всего четыре пункта:

- выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает
- общение с определенными лицами
- отправка и получение почтово-телеграфных отправлений
- использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

Суд может варьировать строгость домашнего ареста, применяя все эти пункты разом или выбрав только некоторые из них. Впоследствии суд может и изменить условия домашнего ареста по ходатайству самого арестанта, его адвоката или даже следователя, ведущего дело.

Несмотря на то, что ограничительно-запретительных пунктов всего четыре, уровень государственного контроля над жизнью домашнего арестанта может быть очень серьезным. «Перечень закрытый, исчерпывающий, как говорят юристы. Но интерпретации внутри пункта могут быть сколь угодно широкие, в каждом есть простор для толкований», - объясняет Клювгант.

В рамках «Болотного дела» Клювгант представлял интересы Николая Кавказского, который был переведен из СИЗО под домашний арест после жалобы уполномоченного по правам человека в Президиум Верховного суда — в частности, из-за серьезных проблем

со здоровьем. Принимая такое решение, суд разрешил Кавказскому посещать медицинские учреждения - но только в том случае, если у него будут соответствующие «медицинские показания» и запись на прием к врачу. Но инспектор ФСИН, надзирающий за человеком во время домашнего ареста, и сам арестант могут по-разному понимать, что же такое эти «медицинские показания».

Из-за вольной трактовки пунктов этой статьи УПК суды налагают на разных обвиняемых совершенно разные виды ограничений и запретов.

«К одним обвиняемым гораздо мягче подход, при том что само обвинение довольно серьезное, им прогулки разрешаются с посещением магазинов и всякие другие вольности, а к другим гораздо более жесткий, который вообще не допускает ничего — сиди дома и все», - рассказывает Клювгант.

Походы по магазинам были разрешены Евгении Васильевой, бывшему начальнику департамента имущественных отношений Минобороны, обвиняемой по делу «Оборонсервиса». А Сергею Удальцову при продлении домашнего ареста суд отказывал во всем, включая посещение врача - разрешили только голосовать на выборах. «Это как раз и есть вариативность трактовки, и далеко не всегда можно проследить логику [суда], вытекающую из обстоятельств конкретного дела», — комментирует Клювгант.

При запрете «общения с определенными лицами» их круг может трактоваться крайне вольно. Навальному, по словам его адвоката Вадима Кобзева, было запрещено общаться со всеми, кроме инспекторов ФСИН, следователя, ведущего дело, адвокатов и близких родственников. А Константину Янкаускусу запрещено

общаться только с другими обвиняемыми и свидетелями по делу. Его жена Ольга Горелик рассказывает, что Янкаускас может даже вести в квартире прием избирателей - он по-прежнему депутат зюзинского муниципального собрания.

Бывают и случаи, когда судьи придумывают запреты, не укладывающиеся в список, перечисленный в ст.107 УПК, — и это при том, что по постановлению Пленума Верховного суда, разъясняющему применение различных мер пресечения, суды не имеют права вводить запреты и ограничения, которые прямо не предусмотрены этой статьей. Но это не помешало судье Артуру Карпову запретить Навальному комментировать обстоятельства своего уголовного дела в СМИ. Апелляционная инстанция, по словам Кобзева, этот запрет оставила в силе.

Запрет на выход в интернет не предполагает запрета пользования компьютером: как поясняет Ольга Горелик, никто не запрещал ее мужу играть в компьютерные игры, набирать тексты или смотреть кино - если компьютер не подключен к интернету. Блог районного объединения «Штаб Зюзино» и личный блог Янкаускаса сейчас ведет Горелик, но фактически никаких законных способов проверить, не пользуется ли в действительности ее муж интернетом или телефоном - нет.

С РУК НА НОГУ: КАК РАБОТАЕТ БРАСЛЕТ

Когда человека помещают под домашний арест, ему на ногу надевают специальный электронный браслет, который позволяет контролировать местонахождение арестованного через спутниковые системы ГЛОНАСС/GPS. Информация о нахождении браслета попадает на специальный аппарат, который сотрудник ФСИН устанавливает в квартире арестованного, а

аппарат, в свою очередь, передает информацию на пульт инспекторам.

Дмитрий Дубровин, адвокат Александры Наумовой, рассказывает, что если человек с браслетом отдаляется от источника сигнала, у инспекторов срабатывает сигнализация. После этого они сразу же звонят арестованному домой и выясняют, где он. Иногда могут позвонить и ночью.

Иногда инспекторы приходят и на дом. По словам Ольги Горелик, к Янкаускусу сотрудник ФСИН приходит без предупреждения примерно раз в неделю, и интересовать его могут самые разные вещи.

Браслет Янкаускаса слабо подает сигнал из спальни: от аппарата, расположенного в гостиной, спальню отделяют две стены. Внезапно пришедший с проверкой инспектор, считывая показания аппарата, поинтересовался, где же арестованный был ночью. В конце концов инспектор убедился, что это было не нарушение режима, а ошибка аппарата, рассказывает Горелик.

В какой-то момент у браслета может закончиться срок действия — садится батарейка, и тогда его должны заменить. Александре Наумовой в какой-то момент браслет поменяли на существенно меньший по размеру, и скоро он начал сильно натирать ногу, причиняя боль. Произошло это в пятницу. Инспектор был на даче и, как рассказывал защитник Наумовой Дмитрий Борко, отказывался приезжать, утверждая, что склад с другими браслетами откроется только в понедельник. Узнав, что Наумова находится под домашним арестом, отказывались приезжать и врачи. В конце концов Борко все же удалось убедить инспектора приехать в воскресенье, и браслет

Наумовой поменяли — склад браслетов, видимо, работает без выходных и перерывов.

ВЫХОД ЗА ОКОЛИЦУ

Как правило, во всех необходимых поездках — например, в суд или к врачу — арестованного должен сопровождать сотрудник ФСИН, который приезжает за ним на машине. Но как отмечает адвокат Дубровин, «бывает, что можно перемещаться самостоятельно на метро по указанию сотрудников ФСИН, если нет возможности забрать на автомобиле». Адвокат Клювгант рассказал, что Кавказский по вине сопровождающих сотрудников не раз опаздывал в суд, при этом объяснения приходилось писать ему, поскольку подобные «нарушения» «чреваты тем, что домашний арест может снова превратиться в тюремный. Это нередкое явление».

В случае вызова экстренных служб вроде «скорой» арестованный должен сразу же связаться с инспектором и сказать, что воспользовался телефоном. По поводу любого необходимого выезда арестованный должен обращаться к контролирующему его сотруднику. Сотрудник при этом может отказать, и в таком случае арестованный вынужден обращаться за разрешением к суду. Например, Николаю Кавказскому нужно было посещать бассейн - по указанию врачей. Но на практике сделать это было не просто.

«Нужно было суду представить полную информацию: какое это учреждение, где этот бассейн, по какому адресу, в какие дни и часы он будет ходить. И ровно на эти дни и часы судья давал разрешение посещать вот именно этот конкретный бассейн», - рассказывает Вадим Клювгант.

Даже после получения этого разрешения все равно необходимо обращаться к инспекторам с просьбой о сопровождении. «Либо, — продолжает Клювгант, — суд должен прямо указать, что разрешается ездить самостоятельно, но, как мы догадываемся, наверное, судьи не очень охотно берут на себя такую ответственность в большинстве случаев, хотя исключения бывают».

В случае с домашним арестом Навального, как рассказывает адвокат Кобзев, уголовно-исполнительная инспекция отказывалась возить его куда-либо, кроме Следственного комитета, прокуратуры и судов. Даже в случае, если следователь разрешал посетить поликлинику в сопровождении инспекции, сотрудники ФСИН заявляли: мы не такси, мы в клинику вести не будем. «Это никак не урегулировано, и в той конкретной ситуации так они никуда его и не повезли», — вспоминает адвокат.

ДОМАШНИЙ УЮТ ХУЖЕ ТЮРЬМЫ?

И в силу вольного трактования законов судьями, и из-за серьезных лакун в законодательстве домашний арест иногда оказывается хуже СИЗО. Видимо, не случайно именно домашний арест стал применяться к оппозиционным политикам: особые ограничения касаются именно политических прав таких арестантов.

В преддверии выборов мэра Москвы Сергею Удальцову, по сути, власть запретила даже балотироваться. Сначала Мосгоризбирком отказывался принимать документы без присутствия самого кандидата, а Следственный комитет не позволил Удальцову покинуть квартиру для посещения избиркома. Потом документы все-таки приняли, но избиркомовские чиновники заявили, что выдвижение граждан, находящихся под домашним арестом, в кандидаты на выборные должности не урегулировано и в регистрации Удальцову отказали. У Константина

Янкаускаса документы на выдвижение кандидатом в Мосгордуму приняли - его жена и юрист Партии прогресса принесли заверенное заявление - но под тем же предлогом в регистрации отказали. При этом люди, находящиеся в СИЗО, по закону участвовать в выборах могут: в 2013 году, например, как кандидат в депутаты ростовского законодательного собрания был зарегистрирован арестованный журналист Александр Толмачев, а дагестанский политик Нух Нухов в 2007 году, не выходя из СИЗО, вышел во второй тур на выборах главы Дахадаевского района.

Серьезную дискриминацию домашних арестантов по сравнению с обычными заключенными выявила защита Навального: при домашнем аресте зачастую не разрешают прогулки, в то время как и в следственных изоляторах, и в тюрьмах, и в колониях они предусмотрены. В уже упоминавшемся постановлении Пленума Верховного суда прогулки упоминаются как возможное основание для выхода за пределы квартиры. Но на практике, по словам Кобзева, «в этих прогулках отказывают», причем отказ никак не мотивируется. Евгении Васильевой, впрочем, прогулки разрешили — сначала по часу, а потом и по три.

Melden Sie sich bei Ihrem Google-Konto an

Sie müssen sich anmelden, um auf diese Inhalte zugreifen zu können

Anmelden

Если мера пресечения принята, то изменить ее уже почти невозможно: судьи отклоняют просьбы органов о продлении срока заключения под стражей только в единичных случаях (в 2013 году их насчитывалось менее 2%).

В процессуально-правовую ловушку находящиеся под домашним арестом попадают в тот момент, когда следствие передало дело в прокуратуру, а в суд оно еще не ушло. Прокурор ходатайства о выездах куда-либо не рассматривает, а следователь этим делом уже не занимается. В результате на этой стадии рассмотрения дела в ту же поликлинику арестованный съездить в принципе не сможет.

Навальный оказался в и вовсе странной правовой ситуации. Запрет на общение с кем-либо, кроме жестко ограниченного списка лиц, на Навального наложен в рамках «Дела Ив Роше». Но одновременно в отношении Навального ведется множество уголовных дел. Некоторые суды уже состоялись, и Навальный был вынужден в них выступать, отвечать на вопросы истцов, адвокатов и судей - т.е. общаться с множеством людей, которые не входят в разрешенный ему список лиц. Адвокаты Навального в судах упоминают об имеющемся запрете, но «суды

считают все это ерундой, они говорят: это — одно дело, а это — другое», - рассказывает Кобзев.

В целом же складывающаяся в России практика применения домашнего ареста значительно строже, чем, например, в странах Западной Европы. По словам адвоката Клювганта, в государствах Евросоюза «домашний арест означает прежде всего, что человек не должен уезжать, должен находиться дома. Но таких суровых ограничений и запретов на него не налагается. Может быть запрещено, например, общаться с лицами, участвующими в разбирательстве по делу, это вполне логично, но никто не будет запрещать общаться вообще с любыми людьми, как это у нас делается сплошь и рядом. Вряд ли у подозреваемого будут сложности с посещением, например, врача или священника».

По закону домашний арест в России, как и любая другая мера пресечения, должен применяться только в крайних случаях, как страховочный инструмент - если есть угроза, что подозреваемый скроется или будет мешать следствию и правосудию. Но в нашей реальности принудительное сидение на диване оборачивается издевательством и наказанием, которое накладывается государством даже до того, как вину арестованного признает какой-никакой, но суд.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ